

Александр Арсаньев

Буря в Па-де-Кале

Александр Арсаньев
Буря в Па-де-Кале
Серия «Записки масона», книга 4

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167119

Содержание

I	4
II	44
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Александр Арсаньев

Буря в Па-де-Кале

I

Дмитрий Михайлович Готвальд, столичный этнограф, оторвался от занимательного чтения и взглянул на часы, которые показывали половину второго. Сегодня он был приглашен на прием к тобольскому губернатору. Готвальд недовольно поморщился. Ему не хотелось отвлекаться от чтения, но в то же время портить отношения с губернатором Дмитрию Михайловичу так же возможным не представлялось. Он неохотно закрыл бархатную тетрадь, одну из тех, что продал ему на днях бродяга Гурам. Это были записки масона Якова Андреевича Кольцова, отставного поручика Преображенского полка, раненого в битве под Лейпцигом. Кольцов писал, что Мастер разрешил его от силанума – священного обета молчания. Судя по всему, на Якова Андреевича Кольцова братья вольные каменщики возложили обязанности масонского следователя, которые он ревностно исполнял, с тех пор, как вступил, будучи девятнадцати лет от роду, в тайное общество «Золотого скипетра».

Наставником Кольцова являлся член орденового капитула Иван Сергеевич Кутузов, который оказывал Якову Андре-

евичу всяческую материальную и моральную поддержку. Он открыл ему «истинный свет и тайную природу вещей», не забывая при этом курировать его «полицейскую» деятельность. В одной из тетрадей Кольцова Готвальд прочел, что Яков Андреевич дослужился в Ордене до одной из рыцарских степеней.

Однако после событий 1825 года, в которых Кольцов оказался замешан, чем скомпрометировал себя в глазах Государя, отставной поручик был сослан на поселение в город Тобольск. «Устав вольных каменщиков» требовал полной покорности масонов высшим руководителям Ордена. Масонская присяга для вольного каменщика всегда была выше даже присяги воинской...

В тетради, которую Готвальд все еще держал у себя в руках, красными чернилами была выведена выдержка из Устава:

«ВОЛЯ ТВОЯ ПОКОРНА ВОЛЕ ЗАКОНОВ И
ВЫСШИХ. ПАЧЕ ВСЕГО ЕСТЬ ОДИН ЗАКОН,
КОЕГО НАБЛЮДЕНИЕ ТЫ ОБЕЩАЛ ПЕРЕД
ЛИЦОМ НЕБЕС, Т. Е. ЗАКОН НЕРУШИМОЙ
ТАЙНЫ В РАССУЖДЕНИИ НАШИХ ОБРЯДОВ,
ЦЕРЕМОНИЙ, ЗНАКОВ И ОБРАЗА ПРИНЯТИЯ.
СТРАШНО ПОДУМАТЬ, ЧТО СΙΑ КЛЯТВА
МЕНЕЕ СВЯЩЕННА ДАВАЕМЫХ ТОБОЮ В
ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ. ТЫ БЫЛ СВОБОДЕН,
КОГДА ОНУЮ ПРОИЗНОСИЛ, НО УЖЕ
НЕ СВОБОДЕН НАРУШИТЬ КЛЯТВУ, ТЕБЯ

СВЯЗУЮЩУЮ!»

Дмитрию Михайловичу начинало казаться, что Кольцов сам себе постоянно напоминал о нерушимости этой клятвы и о страшных последствиях, которые могут постигнуть того, кто клятву эту нарушит. Он то и дело пояснял что пишет только о тех вещах, которые не смогут повредить его братству и только с целью исповедания, как было заповедано в прежние времена Иоанном Масоном.

Готвальд снова перевернул страницу и нервно бросил взгляд на часы. В этой тетради речь, кажется, шла о Балканском вопросе. По крайней мере так исследователю показалось на первый взгляд.

«Эх, куда его занесло!» – искренне подивился он. Сначала Дмитрию Михайловичу казалось, что масон Кольцов особенно не вникал в политические вопросы! А впрочем... Как тогда его угораздило оказаться в Тобольске на поселении?

Готвальд считал, что ему самому было еще над чем поломать голову, прежде чем представить записки на суд обществу. Но делиться ли своей тайной с покровительствующим ему губернатором?! Дмитрий Михайлович вновь закрыл дневник Якова Кольцова и отложил его в сторону.

Он поднялся со стула и стал медленно переодеваться. Новенький светло-серый фрак отменно на нем сидел. Говорили, что губернаторская дочка была красавицей... А впрочем, что ему до какой-то девицы?! Одна наука ему – сестра, любовница и жена!

Прием у губернатора на славу удался, даром, что провинция... Готвальд душой отдохнул и все не сводил глаз с черноглазой губернаторской дочки. Такой Дмитрий Михайлович мыслил себе Миру, индианку Кольцова, привезенную масоном откуда-то из Калькутты и спасенную им от неминуемой смерти.

— Анна Николаевна, — шепнул кто-то Готвальду на ухо. Дмитрий Михайлович невольно отвел глаза. Неужели его поведение было так откровенно до неприличия?!

— Дмитрий Михайлович! — губернаторская дочка направилась напрямиком к оторопевшему Готвальду. — Позвольте мне с вами перекинуться парой фраз, — любезно улыбнулась она. — Ходят слухи, что вам удалось обнаружить какой-то сундук... Это правда, что и в наших краях побывали масоны?!

Готвальд развел руками, не зная, что и ответить.

— Значит, правда, — заключила красавица. Она невольно усмехнулась и возвела глаза к потолку, словно прикидывая что-то в уме. — И почему они не берут к себе женщин? Можно подумать, что тайное общество — это какой-нибудь мужской клуб!

— Да о чем это вы, Анна Николаевна? Полноте! — испугался Дмитрий Михайлович, невольно озираясь по сторонам.

– И вы туда же! – отмахнулась девица. – А я-то надеялась найти в вас понимание... Разве вы не знаете, что в Париже в ноябре этого года открылась Русская Высшая школа общественных наук? А я, между прочим, собираюсь во Францию!

– И что из того? – Готвальд сглотнул ком в горле. Черные глаза с поволокой смотрели на него очень внимательно. Дмитрий Михайлович старательно отводил свой взгляд в сторону, который упрямо скользил по полуобнаженным плечам девушки.

– А я думала, что вы знаете, – разочарованно протянула красавица. – Говорят, что многие тамошние преподаватели как русские, так и французы – масоны...

– И что же из этого следует? – Дмитрий Михайлович часто хлопал ресницами. – И вообще, откуда все эти слухи? Какие еще масоны? В наше-то время... Вы бредите! – Готвальд совсем позабыл о приличиях. Вот ему бы, действительно, следовало съездить в Париж со своими тетрадами!

– Умоляю вас, дайте мне что-нибудь прочесть из ваших тетрадей, – проговорила в ответ девица с таким видом, что Готвальд явственно понял, что отступить губернаторская дочка не собирается.

В ужасе Дмитрий Михайлович почувствовал, что его состояние становится близким к истерике.

– Я обязательно над этим подумаю, – пообещал этнограф и заторопился в гостиницу.

Когда он вновь взялся за дневники Кольцова, его руки

дрожали.

* * *

Эту историю я начинаю писать с особенным трепетом, ибо в ней замешаны персоны весьма влиятельные и известные, имен которых лучше было бы все же не упоминать. Но, как говорится, назвался груздем... И чего мне только в самый ответственный момент лезут в голову все эти пословицы и поговорки? Нет, я просто обязан описать инцидент, который случился со мною в Кале, накануне конгресса в Вероне! Его последствия имели огромное значение как для Императора и его фаворитки, так и для всего государства! И у вашего покорного слуги они оставили на сердце незаживающую рану...

Поздним пасмурным вечером я вернулся из своего греческого вояжа под покровом тайны и тьмы. Дождь лил как из ведра. Кучер бросился распрягать мои цуги. Я же опрометью юркнул под своды античного портика. В этот раз меня даже не сопровождал мой преданный японец Кинрю, которого я любил как родного брата. Он спас меня на своей родине от тюрьмы, покинул вместе со мной Японию и числил себя в России моим верным хранителем.

Не успел я шагнуть в гостиную, как мне на шею бросилась Мира.

– Яков! Ну, наконец-то, – простонала она. – А то мы уж и

не чаяли увидеть тебя живым! Это нечестно – оставлять нас так надолго одних, в неведении, в страхе...

– Все хорошо, что хорошо заканчивается, – заметил немногословный Кинрю, откладывая в сторону скомканную газету.

– Ты мог хотя бы предупредить, что уедешь надолго, – Мира склонила свою черноволосую голову мне на плечо. От ее волос удивительно пахло какими-то экзотическими маслами, кружившими голову. – Нет, я не упрекаю тебя. Но, если бы ты только знал, что я пережила!

– Твои карты должны были подсказать тебе, что со мной все в порядке, – в ответ улыбнулся я, позволяя лакею снять плащ с моих плеч. Мира слыла у себя на родине пророчицей и гадалкой. Иногда я сам верил в ее сверхъестественные способности...

– Так где же вы были, Яков Андреевич? – поинтересовался мой Золотой дракон. Так переводилось имя Кинрю на русский язык. Порой мне казалось, что Юкио Хацуми и сам позабыл свое настоящее имя.

– Масонская тайна, – кратко пояснил я, чтобы избежать дальнейших расспросов.

В ответ Кинрю обиженно надул губы, а Мира отвернулась к камину. Тень от огня легла ей на лицо. Мне как никому другому было известно, что этим двум иноземцам можно доверить любой секрет, и этот секрет никогда и никому не будет раскрыт...

– Вот, значит, оно как, – Мира поджала губы и присела на оттоманку. Она утопала в разноцветных подушках, словно турецкая султанша.

– Ну, хорошо, хорошо, – отозвался я примирительно, – вам я могу сказать! Я был в Греции...

После моих слов в комнате воцарилась гнетущая тишина.

– То есть... И что? – наконец осмелилась подать голос индианка.

Она подняла на меня встревоженные глаза, в которых любовь, страх, волнение, нежность и ревность соседствовали друг с другом на равных правах и читались, будто черным по белому.

– Я встречался с Ипсиланти, – важно ответил я.

У меня от усталости смыкались глаза, и мне не терпелось отправиться спать. Но я должен был поделиться с Мирой и моим самураем известием, которое распирало меня. В этот момент я даже не думал о данной мной Ордену самой священной и страшной клятве...

– С кем? С кем? – переспросила моя индианка. – Кто такой этот Ипсиланти? Он грек?

– Да, – отозвался я. – Александр Ипсиланти, офицер русской армии! Я имел к нему тайное поручение от нашего Ордена...

– И в чем же оно заключалось? – вкрадчиво поинтересовался Кинрю. Ему-то как человеку восточному очень хорошо было известно, что политика – вещь исключительно тон-

кая! А о том, что творилось на Балканах, многие были слышаны.

– Этого я сказать не могу, – в этот раз мне пришлось его разочаровать. Я и так позволил себе сболтнуть немного лишнего.

– Тогда лучше скажите, что последует за вашим визитом в Грецию? – осведомился в ответ Кинрю.

– Я думаю, что восстание против турецкого ига, – развел я руками. – Турецкий султан берет на себя слишком много! Взять, к примеру, его требование вернуть туркам Сухум и ряд крепостей на Кавказе! А что говорить о нежелании Турции предоставить самоуправление Сербии?

– Все-таки ты проговорился, – невесело улыбнулась моя индианка. – Ну, а как же ваш Император? Мне кажется, что некоторая двойственность...

– Он оказался в довольно трудном положении, – мрачно перебил ее я. – Но, так или иначе, масонская присяга выше любой другой присяги и даже воинской! Я выполнил поручение своего братства, которое, кстати говоря, вполне согласно с моими собственными устремлениями!

Мне хотелось добавить, что Император Александр Благословенный и сам был масоном, но я во время прикусил язык.

– Ну, да, – усмехнувшись, кивнул Кинрю. – Великий архитектор Вселенной согласно своим планам и чертежам вновь перестраивает сложившийся миропорядок!

Я хотел было напомнить японцу, что не пристало судить

самураю о братьях наших христианах, но снова промолчал. По выражению лица Золотого дракона и так было понятно, что он без особого труда прочел мои нехитрые мысли на расстоянии. Но внешне Кинрю, по крайней мере, старался выглядеть невозмутимым. Это была одна из добродетелей его самурайского Кодекса чести!

– Но если этот твой Александр Ипсиланти и в самом деле возглавит восстание против Турции на Балканах, в каком же тогда положении окажется ваш Император? – продолжала рассуждать вслух индианка. – Вы подумали о том, как ему придется лавировать между общественным мнением в России и планами своих союзников? Вряд ли Англия и Австрия поддержат это восстание...

– Мира, ты слишком умна для женщины, – шутливо упрекнул я ее.

– А разве я не права? – вкрадчиво осведомилась она, взяв в руки пядьцы.

– Ты всегда права, – согласился я, наблюдая за тем, как ловко орудовала моя Мира иголкой с ниткой. – В связи с греческим восстанием власти России окажутся в ужаснейшем положении. Общественность будет требовать помощи грекам, но принципы «Священного союза», заключенного Александром в 1815 году, исключают всякую поддержку мятежникам, даже если они восстали против не христианского, а мусульманского государя!

– Яков, иногда мне кажется, что я совсем не знаю тебя, –

Мира убрала со лба тяжелую прядь непослушных волос. – Мне кажется, что Кутузов тобою бессовестно манипулирует!

– Ты полагаешь, что всему виною Кутузов? – усмехнулся я. – В нашем мире есть люди, увы, куда более могущественные и влиятельные, чем Иван Сергеевич... Слышала ли ты когда-нибудь об адмирале Грейге?

– Нет, – отвечала Мира, меняя нитку в иголке.

Она извлекала свои принадлежности для вышивки из малахитового ларца. Индианка обрезала нитку изящными ножницами из чистого серебра. Она испытывала слабость ко всем этим милым женскому сердцу вещичкам.

– Ну так вот, – начал я, – в царствование Екатерины Великой военной присяге изменил масон Грейг во время военного сражения со шведским флотом у острова Готланда. Шведским флотом тогда командовал Гроссмейстер шведского ордена герцог Карл Зюдерманландский. Как масон шведского обряда, адмирал Грейг был у него в подчинении, поэтому он и бездействовал во время сражения...

– И к чему вы мне об это рассказали, Яков Андреевич? – осведомилась Мира. Она всегда, когда волновалась, начинала обращаться ко мне на «вы».

– Мне, по крайней мере, еще ни разу не приходилось нарушать военной присяги, – с горечью усмехнулся я. Иногда я сам сомневался в истинности того пути, который был мною однажды избран, не без участливой помощи Ивана Сергеевича.

– Слабое утешение, – парировала индианка, – учитывая, что вы интригуете против своего Государя.

– Тем не менее, правда на моей стороне, – отрезал я. – И на стороне Ордена! По крайней мере в данном конкретном случае...

– Возможно, – пожала плечами Мира. Моя индианка не любила возражать мне в открытую.

– Но, англичане и австрийцы никогда не выступят с Александром Благословенным в одном строю, – усмехнулся Кинрю, – особенно когда речь идет о восточных делах!

– В этом я с тобой абсолютно согласен, – кивнул я.

– Яков, ты выглядишь измученным, – заметила Мира и задула свечу. – Политические разговоры утомляют тебя. К тому же, ты так до сих пор и не отдохнул после своего долгого путешествия. Идем, я провожу тебя в спальню, – настойчиво проговорила она, взяла меня под руку и повела к лестнице.

Я, разумеется, сопротивляться не стал.

* * *

Утром, когда я вышел в гостиную, Кинрю положил передо мной на столик «Губернские ведомости» и «Вестник Европы».

– Вот, полюбуйтесь, – кивнул он в сторону утренней прессы, из которой еще не выветрился аромат типографской краски.

Я взял в руки журнал, но уже заранее подозревал о том, что в нем прочту. И я не ошибся, везде писали о восстании, вспыхнувшем на Балканах!

— Ваша работа, — усмехнулся Кинрю.

— Ну, не только моя, — в ответ отозвался я. — Мне только пришлось передать Александру Ипсиланти на словах некоторые инструкции...

— Готов поспорить, — проговорил мой Золотой дракон, — что визит вашего Кутузова долго себя ждать не заставит! Должны же вы перед ним отчитаться! — Он пытливо взглянул на меня.

Однако его слова должного действия не возымели: в случае с Иваном Кутузовым мне приходилось иногда забывать о собственном честолюбии...

— Как знать, — я пожал плечами. — Идем в столовую! Мира наверняка приготовила удивительный завтрак!

Индианка справлялась с хозяйскими хлопотами лучше самой проверенной экономки. Иногда мне думалось, что я недостаточно ценю то сокровище, которое в ее лице, незаслуженно попало мне в руки. Но Мира, казалось, безотчетно любила меня и только с радостью облегчала мне жизнь всеми возможными и невозможными способами.

В столовую вошел камердинер с серебряным подносом в руках. Я заметил, что на подносе лежала записка из бристольской бумаги. Я взял в руки письмо и узнал почерк Кутузова. Говоря откровенно, я был удивлен, что Иван Серге-

евич сам не навестил меня этой же ночью. Хотя я думал, что он предоставит мне возможность выступить на ближайшем собрании Ложи.

– Письмо от Кутузова? – догадалась Мира, нахмутив соболиные брови.

Ее неприязнь к моему Мастеру, казалось, не имела конца. Она закуталась в кашмирскую шаль, словно ее бил жестокий озноб. Индианка была задрапирована в европейское платье цвета сирени.

– Да, моя дорогая, – заулыбался я. – Ты, как всегда, права!

Я распечатал конверт и прочел строки, которые настолько меня поразили, что я застыл словно истукан с запиской в руках.

– Что с тобой, Яков? – встревожилась Мира, полагавшая, что от Кутузова можно было ожидать все, что угодно.

– Сегодня ночью я должен быть в Царском селе, – развел я руками. – В Екатерининском дворце!

– Ничего себе! – воскликнул японец. – Это послание от самого Императора?

– Нет, – я покачал головой, усаживаясь в глубокое кресло, – всего лишь от Ивана Сергеевича. Но он намекает, что Его Императорское Величество тоже будет присутствовать...

– Так Александр в курсе событий?! – воскликнула Мира.

– Не знаю, – протянул я с сомнением в голосе. – Кутузов об этом ничего не сообщает, хотя, конечно, и такую возмож-

ность нельзя исключать. Но сдаётся мне, что речь в Царском селе пойдет совсем о другом...

– О чем же? – не удержался от вопроса японец.

– Кутузов намекает о каком-то императорском поручении, – проговорил я задумчиво. – Только непонятно, связано ли оно как-то с Балканским вопросом!

– Этим вечером вы обо всем узнаете, – утешил меня Кинрю.

– Не сомневаюсь, – ответил я. – Между прочим, в Китайской гостинной меня будет ждать Балашов!

– Что еще за Балашов? – снова заволновалась Мира.

– Александр Дмитриевич Балашов, сам министр полиции, – отозвался я.

– О, боги! – Воскликнула Мира и прижала ладони к разгоряченным щекам. – А если они собираются арестовать вас?!

– Не думаю, – улыбнулся я. – Хотя... Неисповедимы пути господни!

– Я сейчас же составлю твой гороскоп, – пролепетала Мира и скрылась в своей комнате «демонов». Это была, как раз, та самая комната, где она хранила свои мистические атрибуты и древние книги, варила зелья и творила ведические ритуалы. Там же, в обклеенном разноцветной бумагой ящике, лежала ее старинная колода карт Таро, привезенная ей из Калькутты. В этой же комнате жил и старый индиец Сва-руп, отливавший для Миры из расплавленного свинца охранительные пантакли с древнееврейскими буквами.

– Странно, что министр полиции будет присутствовать при вашем разговоре с Кутузовым, – заметил Кинрю. – Я бы хорошенько подумал, прежде, чем отправляться на это... свидание!

– Мне это тоже не нравится, – заметил я. – Но мне кажется, что у меня имеется одно объяснение...

Я встал со стула и стал размашистыми шагами мерить столовую.

– Что вы имеете в виду? – осведомился мой ангел-хранитель, отправляя в рот ложку с желеобразным десертом. Кинрю казался искренне заинтересованным.

– Балашов – масон, – ответил я. – И этим, мне кажется, уже все сказано. Он состоит в ложе «Соединенных друзей». Похоже, что для меня политическая игра еще не закончилась!

– Похоже, – согласился Кинрю. – Только куда бы они не отправили вас на этот раз, я тоже поеду с вами!

– Это уж как карты лягут, – шутливо проговорил я в ответ на его заверение.

Невольно перед мысленным взором моим появилась картинка, как Мира ловкими искусными пальчиками изящно раскладывает пасьянс.

– Или звезды, – развел руками Кинрю, кивнув в сторону Мириной комнаты.

Вечером Мира вышла в гостиную. Она была своя не своя. Было в ее внешности что-то инфернально-трагическое. Свечи отбрасывали какие-то замысловатые тени ей на лицо, от чего индианка, казалось, изменилась почти до неузнаваемости. Невольно и мне передалось ее тревожное состояние.

– Что-то стряслось? – осторожно осведомился я, привлекая Миру к себе. Ее дикая красота сводила меня с ума.

– Нет, – она отрицательно покачала головой, – но может случиться!

– И что же? – скептически поинтересовался я, притворившись до крайности равнодушным.

– Вас ждет дальняя дорога, Яков Андреевич, – промолвила Мира и подняла на меня печальные глаза. Я видел, как на ресницах ее задрожали слезы. – И на ней вас подстерегает много опасностей!

– Ну, милая моя, – я обхватил двумя пальцами ее подбородок, чуть-чуть приподнял лицо и поцеловал в черное кружево атласных ресниц. – Так не годится! Не плачь! Я еще не умер, чтобы бросить мне в гроб орошенную твоими горькими слезами перчатку! Ты словно старая гадалка на площади. Забыла только сказать про казенный дом.

– Что-то в этом роде и ожидает тебя, – проговорила моя индианка, немного отстранившись. – И опасность, связан-

ная с водой! Тебе выпала карта смерти и перевернутая Луна. Опасности еще можно избежать, но...

– Ты столько раз предрекала мне смерть, – отмахнулся я. – Но, как видишь, я жив!

– Не искушай судьбу, – попросила меня индианка.

* * *

Под покровом ночи я отправился в Царское село в собственном экипаже. Меня сопровождал мой ангел-хранитель Кинрю. Я велел ему дожидаться в карете, а сам отправился вверх по мраморной лестнице. Человек в военном мундире, бряцающая палашом и шпорами, проводил меня в Китайскую гостиную Екатерининского дворца.

Поднявшись по лестнице, я миновал парадную анфиладу комнат, прошел через большой зал, кавалерийскую столовую, через картинную, официантскую, через парадную голубую гостиную и очутился, наконец, в той комнате, стены которой были обиты китайским шелком. Здесь меня ждали Балашов и Кутузов.

Первым делом я огляделся по сторонам и отметил про себя, что Его Императорское Величество в данный момент здесь отсутствует. Из зеркала между окнами на меня взидало, словно бы свысока, мое собственное отражение.

Я приветствовал Балашова с Кутузовым по-французски. – Вот, Яков Андреевич Кольцов, поручик в отставке,

успешно справился с нашим поручением в Греции, – рекомендовал меня Кутузов министру полиции.

– Очень рад знакомству, – отозвался в ответ Александр Дмитриевич.

Когда пола его сюртука нечаянно отвернулась, я заметил на ней масонский значок из чистого золота в виде треугольника с вписанными в него тремя буквами S. «Soleil, Science, Sagesse», – вспомнилось мне. Ритуал ложи, к которой принадлежал Балашов, заключался в своеобразном культе солнца и сил природы. Его Орден вознамерился объединить все человечество «узами любви и знания».

– Взаимно, – ответил я, с интересом рассматривая печи из гамбургских изразцов, десюдепорты резного золоченого дерева и любуясь брюлловскими «Флорой с Зефиром» на изящном плафоне.

– Кольцов, вы блестяще справились с нашим заданием, – заметил Кутузов, а мне редко доводилось слышать похвалу из его уст. – Вас ожидает награда...

– А как же Его Императорское Величество? – осведомился я.

– Пусть это вас не волнует, – любезно улыбнулся мне Балашов. Из его слов я заключил, что Александр Благословенный находится в курсе событий. Я в очередной раз вынужден был убедиться, что политика – это игра, и при том весьма тонкая!

– Но вы, Яков Андреевич, должны завершить начатое, –

уклончиво проговорил Иван Сергеевич.

– То есть... – недоуменно вкинул брови я.

– Ну, вы же понимаете, какие сложности возникли у нашего Государя в связи с этим восстанием, – отозвался в ответ Балашов. – Ведь Англия и Австрия поддержала султана... Вы должны как-то уладить это недоразумение!

В этот момент через потайную дверь в гостиную вошел и сам Император.

– А... Наш герой! – Он похлопал меня по плечу, от чего я оторопел. Я ожидал чего угодно, даже ссылки в Сибирь, но только не этого!

Я впервые видел Императора Александра так близко. Он оказался высок ростом, белокур, и у него были очаровательные голубые глаза.

– Я рад, что...

– Ну, не надо слов, – протянул Государь в ответ. – Я думаю вам троим есть здесь о чем переговорить. Не буду вам мешать!

Царь исчез из китайской гостиной, где стены, обтянутые голубым шелком, были расписаны акварелью, так же неожиданно, как и появился.

Я, наконец-то, смог перевести дух. Слишком много событий обрушилось на меня в последние дни. Поведение Императора только убедило меня в том, что он хорошо осведомлен в Балканском вопросе.

– Ничему не удивляйтесь, Яков Андреевич, – попросил

меня Балашов, словно мое недоумение было отчетливыми буквами написано у меня на лице. Он несколько раз хлопнул в ладоши, и вышколенный лакей в парадной ливрее принес мне бокал вина на подносе.

– Вы что-то говорили о деле, которое я должен закончить, – напомнил я, осушив бокал, но так и не утолив мучившей меня жажды.

– Да, – кивнул Кутузов, – мы надеемся, что вам удастся уладить некоторые недоразумения с нашими союзниками...

– Мне?! – не поверил я своим ушам.

– Вам известно имя герцога Артура Уэлси Веллингтона, английского фельдмаршала? – осведомился у меня Александр Дмитриевич Балашов.

– Разумеется, я слышал о нем, – ответил я. Как мне, участнику Отечественной войны было не знать об одном из самых известных английских главнокомандующих?!

– Так вот, он – масон, посвященный в одну из лож, придерживающихся Шведской системы «строгого послушания», – продолжил министр полиции.

Я понемногу начинал понимать, к чему он клонит.

– Ваша миссия будет заключаться в том, – вступил в разговор Кутузов, – что вы передадите ему письмо от нашего Государя.

– И только-то? – усмехнулся я, чувствуя, что мои нервы потихоньку начинали сдавать. Обычно я не позволял себе с Мастером столь вольного обращения.

– Не только, – сурово ответил Иван Сергеевич и переглянулся с Балашовым. – Вы должны на словах убедить Веллингтона повлиять на своих сограждан! Но прежде вы, Яков Андреевич, должны потребовать для себя опознавательной ложки! Не мне вам объяснять, что это такое. Артур Веллингтон – особа весьма законспирированная! К тому же о вашем приезде он заранее не будет предупрежден. В противном случае, фельдмаршал даже и слушать вас не станет.

– Я понимаю причины такой предосторожности, – ответил я. – Думаю, что с опознавательной ложкой все пройдет более или менее гладко!

– Ну вот и отлично, – в кои-то веки улыбнулся Иван Сергеевич.

– И где же я найду герцога Веллингтона? – осведомился я.

– В Кале, – развел руками Александр Дмитриевич, – по крайней мере, по нашим сведениям в данный момент Артур Веллингтон должен находиться именно там!

– В Кале? – вновь удивился я. – Вот уж никак не думал, что искать английского фельдмаршала мне придется во Франции!

– Фрегат уже ждет вас в порту, – сообщил Кутузов. – Вы должны будете отправиться в путь завтра же ночью!

«Вот тебе, Яков Андреевич, и дальняя дорога, – мелькнуло у меня в голове. – А что там Мира говорила об опасности, подстерегающей меня на воде?!»

В гостиную снова вошел Император в парадном мунди-

ре. В этот момент царь Александр выглядел как-то особенно торжественно, словно он присутствовал на параде войск в его честь.

– В письме речь идет о том, чтобы склонить европейских союзников к борьбе с мусульманской Турцией, в крайнем случае добиться одобрения разрыва с ней дипломатических отношений, – проговорил Александр Благословенный. – Священный союз мыслился мной не только как объединение европейских монархов для борьбы с революцией, но и как союз христианских государей для защиты христианских народов Балканского полуострова от мусульманского ига!

Царь протянул мне это письмо.

– Я полагаюсь на вас, – добавил он. – Прошу вас, не обманите оказанного вам доверия!

Я механически принял из его рук письмо, запечатанное сургучом. Оно показалось мне очень гладким на ощупь. Целна доверия, оказанного мне, и впрямь была слишком велика. Я держал в своих слегка похолодевших руках судьбы целых народов.

– Самое главное, – сказал Балашов, – чтобы это письмо не попало в руки австрийского канцлера, который смог бы обвинить Россию и Александра в пособничестве мятежникам, пусть и восставшим против мусульманского ига! Я уверен, что за этим письмом будут охотиться. У меня есть сведения, что канцлер Меттерних уже в курсе наших приготовлений.

А в России приверженцев у него достаточно... Уж поверьте мне на слово, ваша поездка будет не из самых приятных!

У меня не было оснований не доверять Балашову. К тому же я слышал, что в Санкт-Петербурге существует даже «Австрийская партия» да и сам министр иностранных дел Нессельроде чрезмерно привержен австрийцам. Я не сомневался, что кто-нибудь обязательно попытается воткнуть мне палки в колеса. Вряд ли мне удастся отправиться в Кале ни-кем незамеченным. Иллюзий на этот счет я особенно не питал.

– Итак, вы согласны? – осведомился Его Императорское Величество.

Я кивнул:

– Разумеется, да!

И разве я мог ослушаться Его Высочайшего повеления?!

– Ну, вот и прекрасно, – царь улыбнулся мне своей лучезарной улыбкой. – Будем надеяться, что с божьей помощью все пройдет гладко!

Невольно я подумал о том, что мне стоит записать в своем дневнике выдержку из речи князя М. П. Баратаева, которую я как то сам слышал из его уст на одном из собраний:

«Ныне, когда феникс масонничества под благотворным скипетродержанием благословеннейшего из монархов получил новое бытие свое, мы видим ежедневно наш Восток озаряющимся новым блеском славы и добродетелей первейших мужей в государстве...»

Мог ли я знать тогда, что легально существовать масонству в нашем государстве оставалось не более года?!

– О чем вы задумались, Яков Андреевич? – осведомился Кутузов.

– О том, как успешнее выполнить мою новую миссию, – ответил я.

– Похвально, – одобрил Иван Сергеевич.

* * *

– Подите сюда! Скорее! – услышал я у себя за спиной женский шепот, как раз когда проходил через Овальную Переднюю, ведущую на чугунную лестницу, которая соединяла личные апартаменты Императора Александра I с интерьерами Парадной анфилады дворца.

Я вздрогнул, заметив в одной из зеркальных дверей отражение женщины в черном креповом платье.

– Скорее! – настойчиво повторила она.

Я обернулся. В комнате, в которой я сейчас находился, окна отсутствовали, а стены почти полностью занимали четыре двери, две из которых были зеркальными. Одна из этих зеркальных дверей, как раз, и выходила на винтовую чугунную лестницу, по которой меня должен был проводить офицер из личной охраны Александра Благословенного. Освещалось это помещение четырьмя бра из золоченой бронзы. Но в Овальной комнате все же царил полумрак.

– Кто вы? – Я сделал шаг в сторону женщины, а офицер словно растворился за одной из зеркальных дверей.

– Вы не узнаете меня? – шепотом спросила она. Я только сейчас начал понимать, что эта странная женщина могла слышать весь наш разговор в Китайской гостиной.

– Кто вы? – повторил я. Мне уже повсюду мерещились австрийские шпионы и приверженцы министра иностранных дел Нессельроде.

Таинственная незнакомка убрала с лица газовую вуаль. Темные глаза пристально всматривались в мое лицо.

– Мария Антоновна?! – ошеломленно воскликнул я.

– Тсс, – царская фаворитка прижала палец к губам, сверкнув брильянтами на массивном перстне червонного золота.

– Ничего не понимаю, – тихо проговорил я. – Вы подслушивали? Вы, хотя бы, понимаете, какую угрозу на себя навлекаете?! Это же... – Я не находил слов. – Это же, по меньшей мере, государственная тайна!

– Из того, что я слышала, – задумчиво проговорила Нарышкина, – я поняла только то, что вы отправляетесь завтра во Францию, вы принадлежите к масонам и исполняете функции сыщика...

– Это не вполне так, – сухо заметил я.

– Ну, не скромничайте, – протянула фрейлина. – Да и кто ныне не масон?!

– Тогда почему же вы решили обратиться ко мне? – Я догадывался, что у Марии Антоновны имеется ко мне какой-то

свой интерес, как-то связанный с моими занятиями.

– Потому что вы отправляетесь во Францию, – императорская фаворитка прищурилась, от чего паутинка в углах ее глаз стала заметнее. Она была уже не так молода, как казалось на первый взгляд. Однако Император Александр, по слухам, баловал ее своим постоянством. – В Кале. Если я не ошибаюсь...

– Да, вы не ошибаетесь, – мрачным тоном отозвался. Мне все время казалось, что из-за какой-нибудь двери появится Кутузов, Балашов или сам Александр. – Мария Антоновна, вы ставите меня в ужасное положение!

– Я прошу вас о помощи! – взмолилась она. – И если у вас есть сердце, вы не можете не откликнуться!

Этого-то мне сейчас только и не хватало!

– Что вы имеете в виду? – устало осведомился я.

Мне не хотелось отказывать первой фрейлине в государстве, тем более, что она подслушала важный разговор и могла поставить под удар наше дело... Как-то я имел несчастье испробовать на себе, что из себя представляет месть оскорбленной женщины.

– Моя дочь, – Мария Антоновна всхлипнула, – моя дочь сбежала во Францию! Вслед за каким-то голодранцем! Я даже не знаю имени этого мерзавца! Спасите! Верните ее! Камеристка Ольги утверждает, что она собиралась в Кале! Но я даже не знаю: покинула ли Ольга Санкт-Петербург или со дня на день покинет его!

– У вас есть дочь?! – ахнул я. Одно время злые языки утверждали, что у Александра I родился незаконный ребенок.

– Есть, – устало проговорила Нарышкина и присела на стул. Мария Антоновна сняла у себя с груди цепочку с дорогим медальоном протянула его мне. – Оленька, – ласково проворковала она.

Я приоткрыл крышку и едва не задохнулся от удивления. На меня смотрели зеленоватые глаза графини Александровой, в которую я когда-то был смертельно влюблен. По крайней мере, в дни моей незабвенной юности мне так казалось... Это было первое чувство, оставившее в моей душе заметный след.

– Вы узнали ее? – улынулась Нарышкина. – Я вижу, что узнали!

Я еще учился в кадетском корпусе, когда впервые увидел графиню на одном из приемов. На ней было светло-зеленое платье, схваченное под грудью перламутровой пряжкой и парижская шляпка из золотистой соломки. Ее медовые волосы лучились на солнце, рассыпавшись по полуобнаженным плечам. Тогда я еще не знал, что этой юной прелестнице суждено блистать при дворе. Впрочем, я до сих пор не знал, как и многие, что она незаконная дочь Александра... Мы виделись с Ольгой наедине лишь однажды, но тогда мне удалось-таки сорвать с ее губ обжигающий поцелуй. Однако графиня дала мне понять, что это свидание первое и единственное, и нам

никогда не суждено с ней быть вместе. Графине Ольге в ту пору было чуть более пятнадцати...

– Да, эти черты мне, кажется, знакомы, – ответил я. Хотя с портрета на меня смотрели надменные глаза обворожительной взрослой женщины, вполне осознающей всю свою красоту.

– Что-то мне подсказывает, что вы... – Нарышкина бросила пыливый взгляд в мою сторону. – Хотя, нет! Это маловероятно... Так вы беретесь вернуть ее? Я не постою за вознаграждением!

– Не сомневаюсь, – откликнулся я. – Но вряд ли мне удастся вернуть Ольгу силой!

– Поступайте, как знаете! Но она должна быть во дворце! – продолжала настаивать Мария Антоновна. – В этом дворце!

– Но в ней же течет царская кровь, – заметил я.

– Именно поэтому я не позволю ей позорить данное ей при рождении знатное имя! – заявила Нарышкина. – К счастью, сам Государь еще ни о чем не догадывается.

* * *

Таким образом я за одну ночь получил два поручения особой важности, которые мне предстояло обязательно выполнить. Домой я вернулся перед рассветом. По дороге я немного ввел в курс дела моего Золотого дракона, потому что ре-

шил взять его с собой на фрегат. Царское поручение казалось мне слишком серьезным и опасным, чтобы выполнять его одному. На карту была поставлена судьба России, Балкан да и всей Европы, не говоря о уже о графине, в которую я когда-то был тайно влюблен.

– Ну, наконец-то! – Взволнованная Мира встречала меня в гостиной. Она всю ночь не сомкнула глаз, опасаясь, что меня отправят в сопровождении каких-нибудь казаков в Алексеевский рavelин или крепость. – Что? Как?

Я невольно дотронулся до письма, спрятанного за пазухой и выронил медальон.

– Что это? – Мой индианка наклонилась и подняла его.

Кинрю схватился за голову, послав мне сочувственный взгляд из-под насупленных черных бровей.

Мира щелкнула крышечкой.

– А она красивая, – заметила индианка вскользь. Я чувствовал, что ее ревность рвется наружу, но она всеми силами души сдерживает ее. – Как ее имя? Кто она?

Я возблагодарил бога, что Мира не может читать мои мысли.

– Графиня Ольга Александрова, – ответил я. – Она исчезла, и я должен ее найти в Кале!

– Для этого тебя ночью вызвали в Царское село? – недоверчиво осведомилась она.

– Не только для этого, – устало произнес я в ответ, – но мне бы не хотелось вдаваться в подробности.

– Ты едешь в Кале? – как-то отрешенно спросила Мира.

– Да, завтра вечером, – отозвался я. – Кинрю поедет со мной.

– А я?

– Я не могу взять тебя с собой, – начал оправдываться я. – Дорога может оказаться опасной! И в конце-концов, это связано с Орденом, с политическими интригами, с войной, наконец! *Le sang coulera!*¹

– С чего это вы стали так красноречивы, Яков Андреевич? – ехидно спросила Мира, не отрывая глаз от портрета.

– Я боюсь за тебя, – отозвался я как ни в чем не бывало. Меня взволновала предстоящая встреча с графиней.

– У тебя покраснели глаза, – устало вздохнула индианка. – Отправляйся лучше спать!

Я решил последовать совету Миры, тем более, что на другой день мне предстояло отправиться в море. Но вскоре Мира оказалась в моей постели, и я любил ее с той страстью, которой был наделен с юношеских лет. Я уповал на то, что моя милая Мира не догадается, что весь этот пыл разжег во мне портрет Ольги Александровой. Я закрывал глаза, и перед моим мысленным взором вставали ее черты. Кого сейчас любила она? И вслед за кем отправилась в чужую страну? Письмо к английскому герцогу отошло как-то на задний план.

– Я люблю тебя, Яков, – засыпая, сказала Мира.

---

¹ Прольется кровь! – (*фр.*)

– Спи, жизнь моя, – я поцеловал ее в лоб, прежде чем сомкнуть свои воспаленные веки.

Едва проснувшись, я спрятал императорское письмо в своем тайнике за картиной Гвидо Ренни.

* * *

Утром я велел Мире позаботиться о моем гардеробе, а сам привел себя в лучший вид: оделся в новенький фрак, брюки со штрипками, повязал галстук, пристегнул бриллиантовые запонки к рукавам белоснежной сорочки, привел в порядок ногти с помощью английской пилки и приказал кучеру запрягать экипаж.

– Куда это ты собрался, Яков? – подозрительно осведомилась моя индианка. Я вынужден был констатировать с горечью, что она не забыла про портрет зеленоглазой графини.

– Уладить кое-какие дела, – туманно ответил я. Мне хотелось напоследок перекинуться парой фраз с моей несравненной Боженой Феликсовной, царицей светского Петербурга и моей двоюродной сестрой.

Она, как впрочем и всегда, обворожительно выглядела и сияла своими сапфировыми глазами.

– Яков! Ну, наконец-то, милейший братец, соблаговолили пожаловать! – усмехнулась она.

Двери ее дома всегда были открыты для меня в какое угодно время суток, не смотря на ее своеобразный нрав, склон-

ный к экзальтированности, сумасбродству и ажитации! Однако я ценил ее за острый ум всегдашнюю осведомленность. Не стану упоминать о братских чувствах... Божена Зизевская обязана была что-то знать о любовных похождениях Ольги Александровой, или бы она не была Боженой!

– Как я могу забыть о своей прелестной кухне, – поклонился я, с интересом рассматривая ее элегантное платье со шлейфом. Глубокое декольте было прикрыто короткой пелеринкой с лебяжьим пухом. Золотистые волосы Божены были стянуты в «греческий» узел.

– Тебе снова от меня что-то понадобилось, – предположила она, послав мне одну из своих очаровательнейших улыбок.

– Ну, в некотором роде, – замялся я. Мне было неприятно, что моя сестрица столь скоро меня раскусила.

– Ну, что ж, – присаживайся, – о на указала мне на глубокое кресло, обитое темно-вишневым бархатом. – Итак, что ты хочешь знать? – поинтересовалась она. – Это снова связано с твоим... масонством?

– В некотором роде, – коротко бросил я.

– Заладил одно и то же, – вздохнула Божена Феликсовна. – До чего же ты скушен, братец! Лучше скажи, что ты думаешь о восстании на Балканах? Мне кажется, что наш Император оказался в положении не из легких.

– Политика, – развел я руками.

– Ах, ну, да. – Зизевская уселась напротив меня на кана-

пе. — О чем же ты хотел говорить со мной, если не о политике?

В ее салоне всегда обсуждались последние новости.

— О светских сплетнях, — ответил я.

— Ну, — Божена нахмурилась, — об этом мы и в другой раз сможем переговорить. Я бы лучше обсудила с тобой положение в Греции...

— Я сегодня вечером отправляюсь в Кале, — отозвался я. — Так что мне непременно нужно именно сейчас обсудить с вами кое-какие вопросы!

— А ты умеешь быть убедительным, — проговорила в ответ кузина. — Кале... С чего бы это?

— Надо уладить некоторые дела, — сказал я уклончиво.

Однако мой ответ кузину не удовлетворил.

— Дела тебе надо в Кольцовке улаживать, — усмехнулась она. — А то управляющий, поди, и вовсе проворовался! Снова твой Кутузов тебя обхаживает, — погрозила Божена изящным пальчиком. — Поездка-то хоть не опасная?

Я заметил, что кузина всерьез встревожилась за меня.

— Морская прогулка, — весело усмехнулся я. — Хочется сменить обстановку! Волны, ветер, паруса, шторм, наконец. Палуба скрепит под ногами, мачты гнутся...

— А я слышала, братец, что ты уже в Греции побывал... — Божена Феликсовна в упор уставилась на меня ярко-голубыми глазами. — А все острых ощущений ищешь... Неужели тоже со скуки чахнешь?

Божена рассмеялась громким заливистым смехом.

– И откуда только у тебя столь ценная информация? – искренне удивился я. Меня не на шутку заинтересовало: кто еще знает о моем, как я полагал до сего, секретном вояже?!

– Ну, у меня свои источники информации, – кокетливо протянула Божена Феликсовна. – Ты не единственный масон в моем окружении...

– Час от часу не легче! – воскликнул я. Мне невольно вспомнилась та страшная клятва, которую давали масоны при вступлении в Ложу. Но, если священный обет потеряет всякую цену, то что же тогда случится с братством свободных каменщиков?! О таком мне страшно было даже подумать!

– Да не пугайся ты так, Яков Андреевич, – снова рассмеялась Божена. – Никто мне о твоей поездке балканской не говорил! Я сама догадалась, что в этом деле без вашего участия не обошлось. И кому как ни тебе они могли это поручить?!

У меня немного отлегло от сердца. А то я уж и впрямь подумал, что кто-то шпионит за мной, а потом направо и налево рассказывает о моих, с позволения сказать, подвигах...

– Меня с вами, Божена Феликсовна, так и удар хватит, – заметил я.

– Что-то ты, братец, стал слишком чувствителен, – усмехнулась кузина. – Итак, о чем же ты хотел узнать от меня?

– Не о чем, а о ком, – поправил я Божену.

– Не мог бы ты изъясняться конкретнее? – попросила

она. — Я, конечно, понимаю, что язык ваш иносказательный...

— Меня интересует графиня Ольга Александрова, — ответил я.

В гостиной Божены Феликсовны повисло гробовое молчание.

— С чего бы это? — наконец, через несколько минут осведомилась Божена.

Улыбка сбежала с лица моей кузины, словно ее и не было. Божена Феликсовна нахмурилась, что случилось с ней до крайности редко, по причине живости ее изумительного характера.

«Искрометная женщина!» — шептались столичные франты о ней в кулуарах салонных гостиных.

— Ну... — протянул я, — одна величественная особа обратилась ко мне с просьбой разыскать ее во Франции и вернуть в родительские объятия... Под своды Екатерининского дворца.

— Неужели?! — Божена изумленно подняла брови. — Мне казалось, что... Неужели дело зашло так далеко?!

— Как далеко? — отозвался я. — Вы не могли бы, дорогая Божена Феликсовна, изъясняться понятнее?

Я во все глаза смотрел на нее, но перед моим мысленным взором по-прежнему стояли черты моей первой возлюбленной. Я рассматривал золотистый узел волос Божены, а видел медовые локоны графини Ольги, которая когда-то ответила

мне решительным «нет». Мне очень хотелось познакомиться с человеком, за которым она устремилась в Кале.

— Я так поняла, что теперь тебе, Яков, известно происхождение графини, о которой ты меня спрашиваешь, — кузина в упор посмотрела на меня.

— Известно, — ответил я. — Но мне неизвестно имя человека, с которым сбежала графиня! Увы...

— Я, к сожалению, ничем не могу тебя порадовать, Яков Андреевич, — развела руками Божена. — Имя этого человека и мне неизвестно. Я знаю только, что родители графини были категорически против ее связи с ним! Кажется, это какой-то офицер...

— Божена! Я не верю, что вы столь мало осведомлены, — проговорил я с сомнением. — Почему вы не желаете мне помочь? Ведь раньше...

Божена Феликсовна, и впрямь, по мере возможности оказывала мне посильную помощь, тем более, что всегда была в курсе всех светских событий. Поэтому теперь я не вполне ее понимал.

Зизевская встала со своего места и грациозно прошла по комнате, шелестя юбками.

— Не подумай, что я намеренно что-то пытаюсь скрыть от тебя, — проговорила она задумчиво. — Графиня Ольга никогда не числилась у меня в подругах. Она всегда вела довольно замкнутый образ жизни. К тому же она чересчур молода... Некоторое время назад, когда Мария Антоновна при-

болела, злые языки утверждали что... Ну, в общем ты понимаешь... Впрочем, это было давно! Потом слухи стихли, а несколько лет назад при дворе появилась новая фрейлина графиня Ольга Александрова. Это почти все что я знаю о дочери... Впрочем, ты, милый братец, вероятно осведомлен, что сама Нарышкина не испытывает ко мне особой симпатии, так что мне особенно не хотелось бы вникать в это дело!

Божена намекала на сплетни, касающиеся ее близкой связи с Императором Александром. Для меня до сих пор так и осталось загадкой: была ли в них хоть доля какой-то правды!

– Я вполне понимаю вас, Божена Феликсовна, – ответил я, усмехнувшись, – но Мария Антоновна поставила меня в несколько затруднительное положение, поручив мне столь ответственное и деликатное дело!

– В этом ты прав, Яша, – усмехнулась в ответ Божена, сверкнув своими сине-голубыми глазами, – да видно у тебя на роду так написано! Ищешь все что-то, кружишься, странствуешь по свету как Агасфер... Тебе-то когда-нибудь отдых будет? – Она потрепала меня по волосам. Я почувствовал приторно-острый запах пачули, исходивший от ее ухоженных пальцев.

– Ну, я еще не настолько устал, – в ответ усмехнулся я, даже не подозревая о том, что за отдых в скором будущем уготовила мне судьба.

Дома меня, как всегда, дожидалась моя индианка. Я испытывал некоторую неловкость, когда ловил на себе ее встревоженно-влюбленные взгляды. Мои воспоминания об Ольге Александровой мне самому казались абсолютно бессмысленными, и тем не менее я чувствовал что-то вроде уколов совести. Я готов был благодарить Всевышнего, что Мира не видела меня насквозь.

– Тебе удалось что-то выяснить? – спросила она.

– Нет, практически ничего, – я расстроено покачал головой.

– А я уложила все твои вещи, – смущенно улыбнулась мне индианка.

Я поблагодарил ее, но захватил с собой еще и тетрадку с записями прямо из своего тайника, вместе с письмом к англичанину, да пару заряженных французскими пулями пистолетов. Мне приходилось надеяться на то, что парижане отлили их с особенной точностью. В конце концов, я отправлялся не на увеселительную прогулку.

– Экипаж запрягли, – сообщил мне Кинрю, вынося свои вещи из комнаты. Его скарб был совсем небольшим, но мне не приходилось сомневаться в том, что мой Золотой дракон всегда брал с собой только самое необходимое. Он с важным видом понес свой погребец на крыльцо.

– Яков, обещай мне быть особенно осторожным! – неожиданно воскликнула Мира, когда за моим ангелом-хранителем захлопнулась дверь.

– Обещаю, – пожал я плечами. – Что с тобой, милая моя? Я никогда еще не видел тебя в таком состоянии!

Мира действительно была не в себе. В ее глазах была такая мучительная тоска, что на какое-то мгновение я едва не передумал отправляться в Кале.

– Мне страшно, – прошептала индианка, прижавшись щекой к моему плечу. – Как называется твой фрегат? – поинтересовалась она.

– «Стрела», – отозвался я, целуя ее с особенной нежностью.

Мне хотелось успокоить Миру, но я понимал, что это выше всяких человеческих сил.

II

Фрегат, на котором я отправился в путь, был английским. Я не особенно рассмотрел его, когда поднимался вместе с японцем на верхнюю палубу. Она освещалась только бледными фонарями, раскачивающимися на холодном ветру.

– Bonjour, capitaine,² – приветствовал я человека в английском морском мундире.

Что за цель была у этого военного корабля, с двух сторон пришвартованного у петербургского пирса в Финском заливе, я не знал.

– Яков Кольцов? – спросил меня англичанин с легким акцентом.

– Да, – согласился я. – Юкио Хацуми, – кивнул я в сторону своего молчаливого спутника.

Капитан ничего не сказал в ответ, он только велел одному из матросов проводить меня в отведенную для меня каюту. Англичанин, как видно, получил на мой счет нужные распоряжения.

– Steerboard!³ – услышал я, уже засыпая, восклицание английского лейтенанта.

---

² Здравствуйте, капитан – (*фр.*)

³ Право руля! – (*анг.*)

Утром мы были уже в Атлантическом океане. Я слышал, как мощные валы с плеском разбивались о борта корабля. Мне захотелось выйти на палубу и подставить лицо под струи океанского ветра.

– Письмо при вас, Яков Андреевич? – осведомился Кинрю, прищутив свои и без того узкие глазки. По их красноте я догадался, что японец провел без сна всю эту ночь. – Что это за фрегат? Я ничего не понимаю, – признался он.

– Скоро все выяснится, – ответил я, машинально проверяя, на месте ли послание нашего Императора к английскому герцогу.

– Ну как? – встревожено осведомился японец, не отрывая глаз от моей правой руки.

Я нащупал конверт.

– Все в порядке, – сообщил я ему.

– Надо бы разузнать, – задумчиво протянул Кинрю, – нет ли на этом судне каких-нибудь переодетых австрийцев!

– Обязательно разузнаем! Всею свое время, – в ответ улыбнулся я и выглянул в каютное окно, из которого, как я догадался, видна была капитанская рубка.

В этот самый момент в дверь постучали.

– Войдите, – позволил я. Мне не терпелось познакомиться с обитателями фрегата «Flitch».

В каюту заглянул лейтенант, один из сменившихся с вахты матросов. Это был молодой человек лет двадцати – двадцати трех с льяными, коротко остриженными волосами и глубоко посаженными ледяными глазами.

– Капитан приглашает вас в кают-компанию к завтраку, – сообщил он нам по-английски. – Не могли бы вы немного поторопиться?

– Мы уже идем, – кивнул я ему.

Кают-компания представляла собой просторное светлое помещение на палубе, предназначенное для отдыха корабельного экипажа. Она же служила столовой для командного состава этого корабля и его немногочисленных пассажиров. В этом я успел убедиться несколькими мгновениями позже.

Выйдя на палубу я наконец-то смог вдохнуть полной грудью. Почему-то в душе у меня не зародилось ни одного дурного предчувствия, которое бы взволновало меня.

Я нечаянно поскользнулся и невольно ухватился за гот-мачту трехмачтового парусника. Это была деревянная, вторая от носа мачта, к которой был прикреплен нижний парус, трепещущий на ветру; так же прикреплены были грузовые стрелы и судовые огни, которые ночью, должно быть, казались издали россыпью звездочек.

– Осторожнее, – предупредил меня Золотой дракон и подхватил меня под руку.

Я заметил на себе равнодушные взгляды английских матросов, продолжавших заниматься своими делами на палубе.

В галерее кают-компаний мне наконец предстояло познакомиться с пассажирами корабля и поближе узнать его капитана. Из разговора двух вахтенных я понял, что его звали Рональдом.

Когда мы с Юкио вошли в каюту, завтрак был уже в самом разгаре.

– О, наконец-то, – улыбнулся мне капитан.

Он представил меня нашим спутникам. Один из них сразу же привлек мое внимание своей грузной фигурой, яркими маленькими глазками и, прежде всего, тем, что громко говорил по-русски с соседом справа, который уплетал за обе щеки английский рисовый пудинг.

– Завьялов Платон Модестович, – отозвался мой соотечественник, когда, наконец, был вынужден заметить меня. Теперь мне предстояло выяснить только: не принадлежал ли он к так называемой «австрийской партии»... Однако никаких подозрений на его счет у меня пока не возникло.

Его сосед по столу отрекомендовался Алексеем Орловым, офицером в отставке. Этот пассажир был полной противоположностью Платона Модестовича, ел с меньшим аппетитом, отличался худощавостью фигуры и изысканностью манер. Хотя, даже за столом была заметна его военная выправка. Он бросил на меня какой-то байроновский взгляд темно-карих глаз с поволокой. Я обратил внимание на привлекательность черт его романтического лица. Мне невольно подумалось, что такой вот «Чайльд Гарольд» вполне мог бы

увлечь девицу из высшего света вроде графини Ольги Александровой... Должен признать, что эта мысль, мягко говоря, не доставила мне заметного удовольствия. Впрочем, у меня пока также не было никаких оснований, чтобы в чем-нибудь его заподозрить.

Платон Модестович держал путь в Кале по каким-то словно-семейным делам. Алексей Орлов удержался от каких-либо объяснений по поводу цели, предпринятого им во-
яжа во Францию. А я пока не решился расспросить его о графине.

Третьим пассажиром был француз, который возвращался из России на родину. Его звали Анри д'Ланже. Он имел честь сообщить мне, что занимает какую-то должность вроде секретаря при французском после Лаферроне и не замедлил обсудить со мной серьезную ситуацию в Греции. Анри был очень оживлен, чему, вероятно, способствовало множество опорожненных им за завтраком бокалов сухого вина из лучших сортов французского винограда. Он, пожалуй, более других подходил на роль человека австрийского канцлера. Хотя... На паруснике еще было много матросов. Мало ли кто мог позариться на мое письмо к герцогу Артуру Веллингтону!

Один только человек, кроме моего японца, оставался молчалив за столом. Оказалось, что его звали Джорджем Бингли, и он был единственным штатским англичанином на фрегате «Стрела», в чем я несколько ошибался, как выяснилось чуть

позже...

* * *

– Итак, что вы думаете о наших спутниках, волею случая оказавшихся вместе с нами на этом небольшом паруснике? – осведомился мой Золотой дракон, как только за нами закрылась дверь корабельной каюты. – Кто из них может посягнуть на письмо?

– Не знаю, – я только развел руками. – Береженого, как говорится, бог бережет! Буду повсюду носить послание Государя Александра с собой, ближе к сердцу. Надеюсь, мне удастся передать его фельдмаршалу Веллингтону!

– А как вам показался француз? – снова поинтересовался Кинрю.

– Болтлив, не в меру, – ответил я.

– А англичанин? – Японец уставился на меня в упор.

– Ну, что это за вопрос? – наконец не выдержал я. – Первое впечатление, как подсказывает мой опыт, обманчиво! Посмотрим, что будет дальше. Нельзя же судить о людях по одному только завтраку, проведенному за одним столом!

– Мне почему-то кажется, – протянул Кинрю, – что вы медленно, но верно начали терять инстинкт самосохранения!

– Ты ошибаешься, – поспешил я успокоить своего ангела-хранителя, который, наконец, перевел свой цепкий взгляд

с моего лица на огромный компас.

В дверь снова постучали.

– Не каюта, а проходной двор какой-то, – проворчал себе под нос Золотой дракон.

В нашу каюту снова зашел знакомый мне уже лейтенант. Он сообщил, что капитан фрегата требует, чтобы я явился в капитанскую рубку. Я пообещал офицеру, что сейчас же навещу капитана Рональда.

– Надеюсь, что теперь-то мы сможем узнать, что это за корабль, – сказал я Кинрю, как только англичанин потрудился выйти на палубу. – Он не мог не получить никаких инструкций насчет меня...

– Ну, еще бы, – усмехнулся японец. – Кутузов так всемогущ!

* * *

Капитана Рональда в рубке не оказалось. Мне пришлось прогуляться по палубе, ожидая его. Я предположил, что англичанин для чего-то спустился в трюм, который располагался в корпусе судна между нижней палубой и днищем.

Я заметил у самого борта «Чайльда Гарольда» в светлом костюме, который мечтательно всматривался в горизонт. Мне захотелось переговорить с ним на тему, которая в данный момент занимала меня больше всего. Хотя я полагал, что было бы слишком большой удачей так вот, сразу же,

повстречаться на корабле с похитителем Ольги. Хотя... Это судно держало свой путь в Кале, а Мария Антоновна Нарышкина говорила как раз о том, что ее дочь собиралась именно в этот французский портовый город. Но мне не особенно верилось в совпадения!

– О чем вы задумались? – осведомился я у Орлова, который перевел на меня взгляд своих неотразимых бархатных глаз.

– О прелестях жизни, – туманно ответил он. – Это ведь океан, – Алексей развел руки в стороны. Но его восторженность показалась мне немного наигранной.

– О! – усмехнулся я. – Видимо, цель вашей поездки во Францию связана с каким-то романтическим увлечением...

– Возможно, – ответил «Гарольд» загадочно.

Однако больше мне из него вытянуть так ничего и не удалось. Он решительно не намеревался открывать мне имени своей тайной возлюбленной.

Когда Алексей Орлов все-таки ушел к себе в каюту, я присел на корме, чтобы полюбоваться голубоватыми волнами. В этот момент я заметил, как на палубу поднялся капитан судна. Он сделал мне знак, чтобы я подошел к нему. Я не видел причин, чтобы отказать англичанину. К тому же у меня самого накопилось к нему слишком много вопросов.

– Вы не могли бы объяснить мне, что делал английский военный фрегат в Финском заливе, – с улыбкой поинтересовался я, усаживаясь за чайный столик.

– Вполне, – отозвался капитан Рональд. – «Стреле» доводилось бывать в Санкт-Петербурге несколько раз. Впервые это было после военной кампании в 1814 году, когда гвардейские офицеры возвращались в Россию; затем после битвы при Ватерлоо, когда моему фрегату довелось доставить в вашу столицу кое-кого из ваших союзников; теперь я должен в целости и сохранности привезти на борту моего фрегата в Кале человека Лаферроне... Сначала предполагалось, что на борт «Стрелы» ступит сам французский посол.

– Как интересно, – заметил я. – А кто отдал вам распоряжение принять на борт меня?

Мой вопрос повис на некоторое время в воздухе. Английский капитан начал медленно прохаживаться по рубке. Он не переставал курить. Я видел, как на его лице отражались боровшиеся в нем противоречивые чувства. Англичанина одолевали сомнения, стоит ли со мной откровенничать...

– Я что-то не то сказал? – осведомился я, внимательно наблюдая за капитаном Рональдом.

– Нет, – проговорил он со вздохом. – Я думаю, что вы имеете право знать!

– Знать что?!

– Что препроводить вас в Кале мне поручил Капитул вашего Ордена, – выдавил из себя англичанин. – Я тоже, как и вы, принадлежу к Великому братству, но мне неизвестна цель вашего визита во Францию. Я только подчиняюсь своему орденскому начальству! И надеюсь, что вы на вверенном мне судне не испытаете никаких особенных неудобств!

– Я тоже на это надеюсь, – отозвался я.

Слова капитана Рональда не показались мне чересчур неожиданными. Я, в общем-то, и предполагал услышать из его уст нечто подобное.

Однако на лбу у англичанина обозначилась резкая складка. Ему не нравилось вести этот разговор. Но я оправдывал себя тем, что Рональд сам первым вызвал меня к себе, чтобы объясниться.

– Ну, что же, – протянул капитан английского фрегата, – приятного вам времяпрепровождения! – Он явно намеревался выпроводить меня, чтобы закончить, наконец, неприятный для него разговор.

Я в этот момент невольно вспомнил о капитане Грейге...

– А почему «Стрела» покинула Санкт-Петербург под покровом темноты, ночью, тайно? – Все еще не сдавался я. – Это кажется странным...

– Вы сами знаете, какое сейчас сложилось международное положение, – ответил Рональд, усаживаясь, наконец, на деревянный стул. – В связи с восстанием в Греции, которое

возглавил Ипсиланти, – капитан многозначительно посмотрел на меня. – Фрегат отдал швартовые ночью, чтобы было меньше разговоров и слухов... Все-таки «Стрела» – военный корабль!

– Однако я заметил на его борту много штатских, – ответил я. – Или все они имеют какую-то особую миссию? Завьялов, Орлов, ваш соотечественник Бингли...

– Я не знаю насчет Завьялова и Орлова, – отозвался английский офицер, – они заплатили большие деньги, чтобы попасть на борт этого корабля, но Бингли...

– Что Бингли? – насторожился я. – Договаривайте же, капитан!

– Бингли не совсем штатский, – неохотно ответил Рональд, – вернее сказать, совсем нештатский! Он занимает важную должность! Чин адъютанта! Вас обманула его наружность...

– При ком же? – заинтриговано осведомился я.

– При очень важной персоне, – ответил Рональд. – Но большего я не могу сказать, при всем моем к вам уважении!

– Что же, я не стану настаивать, – развел я руками. Мне оставалось только смириться. Впрочем, я догадывался, что мне все откроется в свой срок! – А об Орлове вам что-нибудь известно?

Капитан Рональд в ответ только покачал головой.

– То же, что и вам, – пожал он плечами. – Я видел сон... не все в нем было сном.

– Вы цитируете Байрона? – искренне удивился я. Но в ту же минуту перед моим мысленным взором возникло лицо Орлова с его пронизанными какой-то загадочной грустью глазами, и мне все сразу стало ясно.

– Да, – капитан Рональд кивнул, – он мне чем-то напоминает его героя! Мне кажется, что его голова занята только романтическими идеями, и весь его облик проникнут каким-то необъяснимым трагизмом...

К своему удивлению я должен был мысленно констатировать, что я и английский капитан смотрим на мир одними глазами и почти одинаково воспринимаем его.

– Вам тоже кажется, что здесь замешана женщина? – осторожно осведомился я. – Ведь речь идет о какой-то любовной истории, не так ли?

– Ну, я ничего не могу утверждать наверняка, – напряженно ответил капитан. – Спросите об этом вашего соотечественника!

Наша беседа снова вдруг сделалась англичанину неприятной. Я ясно видел, что капитан фрегата чувствует себя, образно говоря, не в своей тарелке. Он, словно, превратился в один сплошной комок нервов или натянутую пружину, готовую вот-вот сорваться. У меня появилось убеждение, что капитан Рональд от меня что-то скрывает. Вдруг одна неправдоподобная догадка озарила меня...

– На этом корабле скрывается женщина! – воскликнул я. – Отвечайте же, капитан! Это очень важно! Заклинаю вас на-

шим общим делом!

– Н-нет, вы бредете! На военном фрегате нет и не может быть женщин, – хладнокровно ответил он. – Женщина на корабле – это плохая примета!

* * *

Я вернулся в свою каюту обескураженным. Во мне крепло убеждение, что капитан мне лжет. Но я не понимал, что за резон у него был выгораживать Алексея Орлова! Нас-то с ним объединяло одно общее дело... Но что капитана Рональда могло связывать с этой пародией на байроновского Гарольда?! Неужели графиня Ольга скрывается на этом корабле? Нет, у меня не укладывалось такое в голове. Это была бы слишком большая удача!

– Яков Андреевич, что с вами? – удивился Кинрю. – Капитан Рональд пообещал высадить нас на ближайший необитаемый остров? – неудачно попытался пошутить мой японец.

– Нет, – возразил я ему, – англичанин был чрезвычайно галантен!

– Ну, тогда что же?! Вы выглядите так, словно только что встретились с призраком!

– В некотором роде, так оно и есть, – тихо ответил я.

Меня действительно угораздило встретиться с призраком своей юности... По крайней мере, я пытался поймать его!

– Что? Что? – не понял Кинрю. – Не повредились ли вы

умом, Яков Андреевич?

– Ничего, – отмахнулся я, – мне не слишком-то хотелось вдаваться в подробности, как мне прежде казалось, давно минувшего и позабытого чувства!

– Тогда в чем же дело? – не унимался Кинрю, успевший к этому времени перед обедом вздремнуть.

Он выглядел совершенно ошеломленным. К тому же, я только сейчас заметил, что мой ангел-хранитель страдал, кажется, морской болезнью.

– Нам надо осмотреть трюм, – ответил я, преисполненный сочувствия к моему несчастному самураю, который с трудом сдерживал тошноту.

Порывы ветра усиливались, наш парусник с каждым часом раскачивало все сильнее и сильнее. Я уже подумывал о том, что скоро, наверное, грянет буря. Но на небе пока еще не было ни единого облачка.

– А это еще зачем? – насторожился он. – Вам удалось узнать, кто охотится за письмом Императора Александра?

– Нет, – произнес я в ответ, – речь, скорее, идет о графине Ольге.

– Вот как? – через силу усмехнулся Кинрю. – Неужели она плывет в Кале вместе с нами?!

– Все может быть, – отозвался я.

После обеда я рискнул направиться к трюму, однако меня встретили два угрюмых матроса, которые на ломаном русском объяснили мне, что туда спускаться нельзя. На мои робкие попытки им возразить, англичане ответили мне, что это – распоряжение их капитана и никакому обсуждению оно не подлежит!

Мне пришлось смириться с тем, что капитан Рональд не пустил меня в трюм. Однако это только еще больше убедило меня в том, что графиня Александрова находится на борту фрегата «Стрела». Правда, я так до сих пор не выяснил окончательно, кто же ее любовник. В голове у меня крутились идеи одна невероятнее другой. То я воображал ее счастливой избранницей французского посланника, то Алексея Орлова, а то и самого английского капитана.

– Яков Андреевич, не расстраивайтесь, – пробовал успокоить меня Кинрю, едва державшийся на ногах. – Мы сюда ночью вернемся! Обязательно придумаем что-нибудь!

– Придумаем, – согласился я не слишком-то весело. Что-то подсказывало мне, что ночью капитан Рональд тем более не снимет с трюма охрану.

Мои предположения полностью подтвердились. Как только на небе зажглись первые звезды, мы с Кинрю снова решили спуститься в трюм. Но в этот раз лестницу охраняли уже три человека.

— Что вы здесь делаете? — осведомился один из вооруженных до зубов англичан.

— Свежим воздухом дышим, — ответил я и направился в сторону своей каюты, увлекая Кинрю за собою.

— На корабле действительно творится что-то довольно странное, — заметил японец, с удовольствием укладываясь в постель. Когда Юкио принимал горизонтальное положение, ему становилось немного лучше.

— Как ты себя чувствуешь? — встревоженно поинтересовался я. Внутренний голос подсказывал мне, что добром наш вояж не окончится.

— Я в порядке, — ответил мой Золотой дракон, которому гордость и достоинство не позволяли пожаловаться на головокружение и тошноту. — Если что, вы всегда можете рассчитывать на меня!

Через несколько дней меня разбудил среди ночи какой-то подозрительный шум. Я приподнял голову, внимательно прислушиваясь к тому, что происходило за дверью. С соседней постели до меня доносилось мирное сопение моего Золотого дракона. Судя по всему, морская болезнь совсем лишила японца его легендарной бдительности.

На палубе послышался шум борьбы, затем вскрик и всплеск. Потом снова все стихло. Я нащупал рукой на столике огарок свечи. Не успел я зажечь его и выглянуть в окно каюты, как дверь распахнулась. В бледном свете корабельного фонаря я успел увидеть человека в маске, в каких обычно появлялись на маскарадах и с окровавленным кинжалом в руках. Но прежде, чем незнакомец набросился на меня, я успел позвать на помощь Кинрю.

В этот момент откуда-то издали донеслось на английском:

– Лот кидай!

– Двадцать футов всего!

Я почувствовал, что фрегат резко качнуло, сильнее, чем всегда. Кажется, началась буря. По моим подсчетам мы должны уже были приближаться к заливу Па-де Кале. Мне неожиданно вспомнилось предсказание Миры и карта Луны.

«И опасность, связанная с водой! Тебе выпала карта Смерти и перевернутая Луна! Опасности еще можно избе-

жать, но...» – Голос индианки звучал у меня в ушах, словно набат.

– Отдайте письмо! – приказал незнакомец в маске.

В ту же секунду, очнувшийся ото сна японец ударил его стулом по голове. Злоумышленник свалился на соломенный коврик.

Раздался страшный грохот. Дверь распахнулась. Я увидел, как забегали матросы по палубе, пытаясь стянуть паруса. Струи ливня истошно бились о промокшие доски. Двух человек на моих глазах смыло за борт.

– Помогите! – истошным голосом завопил женский голос, доносившийся будто из подземелья.

– Что происходит? – ошалело воскликнул я, проверяя на месте ли драгоценный конверт бумаги.

– Кажется, корабль напоролся на скалы, – пробормотал Кинрю. – Кораблекрушение!

– Пятнадцать футов! – крикнул кто-то с кормы.

Тут только я сообразил, что мы уже на мели. Мне было видно, как к опустевшей рулевой рубке спешит капитан Рональд, на ходу отдавая команды, ругаясь и отчаянно жестикулируя. Я догадывался куда подевался вахтенный лейтенант. Возможно, если бы с ним ничего не случилось, и корабль не остался бы на какое-то время неуправляемым, мы бы не сели на мель и не налетели на скалы.

– Помогите! – снова крикнула женщина.

И я узнал ее голос из забытого сна. Это был голос лю-

бимой мною когда-то графини Ольги. Мой мозг пронзила ужасная мысль. Она была в ловушке, заперта в трюме, возможно, погребена под обломками корабля или захлебывалась водой...

Я тотчас бросился к трюму, который теперь уже точно не охранялся. Я увидел, как на воду спускают одну из шлюпок. В нее, кажется, сажился Бингли. На нем была военная форма, но не морская.

На мое счастье, дверь, ведущая в трюм, оказалась не запертой.

– Яков Андреевич, куда же вы?! – воскликнул Кинрю, устремившись за мной. Мне показалось, что его морская болезнь прошла. Я никогда еще не видел, чтобы он действовал столь стремительно.

В ту же секунду со страшным грохотом обрушилась гот-мачта и сразу унесла жизни нескольких человек. Черное небо было исхлестано зигзагами молний. В разбитые окна врывались волны, повсюду были разбросаны осколки стекла, вода заполонила собой корабль, пазы стали расходиться от качки, а люди падали от мучительного изнеможения.

– Иди за мной! – велел я японцу.

Трюм наполовину уже был полон водой. По лестнице пыталась подняться женщина. Ее золотистые волосы были мокрыми и тяжелыми прядями спускались у нее по плечам. Она подняла голову, и я узнал в ней графиню Александрову.

– Ольга! – воскликнул я и поспешил ей на помощь.

Я подал ей руку, и Ольга за нее ухватилась. Мне показалось, что она даже узнала меня. В ту же секунду корабль повалился на бок, огромные океанские валы прошли через палубу, сокрушая все на своем пути и унося в воду несчастных.

– Спасите меня! – истукпленно взмолилась графиня.

Вдали я различил очертания какого-то корабля. Возможно, он спешил к нам на помощь. Но медлить было нельзя. Мы устремились на корму, которая одна только возвышалась на поверхности.

* * *

Из каких-то бревен нам с японцем удалось связать плот. На него мы забрались вместе с графией. Кинрю помог подняться на наш плот капитану Рональду, который не смел смотреть мне в глаза, и еще несколькими матросам с терпящего бедствие корабля.

Вдруг Ольга соскользнула с плота, и ее накрыла огромная океанская волна. Я только увидел край ее темно-зеленого платья.

– О, нет, – я бросился вслед за ней в воду, слыша у себя за спиной отчаянные возгласы моего Кинрю.

Мне удалось-таки снова втащить графиню на плот.

– Слава небесам, – облегченно пробормотал японец.

Но я еще не был уверен, жива ли графиня она. Однако Ольга закашлялась, приподняла голову и открыла глаза, в ко-

торых отражались отблески молний.

– Яков, – тихо проговорила она, улыбнулась и сжала мне руку. Ее пальцы были холодны, словно лед.

Спустя несколько часов нас подобрал французский патрульный корабль в Па-де Кале, на палубе которого я заметил Бингли и еще несколько человек с фрегата «Стрела», потерпевшего кораблекрушение. Двух моих соотечественников считали погибшими, француз же отделался только легким испугом.

Нас с Ольгой Александровой разместили в одной каюте. Пока графиню отпаивали ромом, я вышел на палубу, чтобы поблагодарить Кинрю, который в очередной раз умудрился избавить меня от верной гибели. Меня интересовала судьба незнакомца в маске, позарившегося на императорское письмо.

– Позволь поблагодарить тебя, – обратился я к своему японцу и крепко сжал ему руку.

– Чего уж там, – отмахнулся он. – Письмо-то цело?

– Да, – подтвердил я. – Я не расстаюсь с ним ни на секунду. Но, если бы не ты...

– Идите к своей графине, – заговорщически подмигнул мне японец. Я ничего не рассказывал ему о моем отношении к ней, но он, верно, о чем-то догадывался.

В этот момент ко мне подошел капитан затонувшего корабля.

– Нам надо объясниться, – проговорил он взволнованно.

– Мне тоже так кажется, – согласился я. – Почему вы обманули меня? Почему вы скрыли от меня присутствие Ольги на корабле? Как вы могли ввести меня в заблуждение? Мне кажется это более чем странным... Я бы даже сказал – преступным!

– Я сам ничего не понимаю, – вспыхнул капитан Рональд. – Я хотел сейчас объясниться с ней, но она отказалась со мной разговаривать!

– Вы хотите сказать, – начал я раздраженно, – что вы ничего не знали? Что женщина в трюме вашего корабля, который усиленно охранялся, явилась для вас полной неожиданностью? Тогда кто же провел ее на «Стрелу» без вашего ведома?!

– Нет, вы не поняли меня, – нахмурился англичанин. – Разумеется, я знал о ее присутствии. Ольга очаровала меня, я никогда прежде не встречал такой женщины! Она отважилась вместе со мной бежать из России во Францию. Но я не узнаю ее! Ольга переменилась ко мне! Она холодна, словно айсберг... Вы не могли бы переговорить с ней?

– Я должен вернуть графиню на родину, – отрезал я и вернулся в каюту. Нет, я не мог поверить, что Ольга бежала в Кале с британским морским капитаном!

Когда я вошел в каюту, графиня спала. Нервное перенапряжение оказалось настолько сильным, что ее организм не выдержал. Ольга конвульсивно вздрагивала во сне. Я вглядывался в ее лицо с правильными чертами и не мог ничего

понять. Я стал припоминать, о чем говорила мне Божена. С ее слов Александрова задумала бежать из России вслед за каким-то офицером, но она не давала понять, что не обязательно с русским... И все-таки мне не верилось, что Рональд мог пленить воображение Ольги!

Наконец, графиня открыла глаза.

– Яков! Сколько лет – сколько зим! – елеиным голосом проговорила графиня. – Я обязана вам жизнью! – Ее глаза сверкали от счастья и сулили неземное блаженство.

– Вы должны мне кое-что объяснить, – отозвался я. – Я не требую от вас благодарности, но вы должны открыться мне. Зачем вам понадобилось с риском для жизни бежать в Кале из родного Санкт-Петербурга!

– Потом, – нежно проговорила она. – Яков, я должна исправить одну совершенную мной ошибку. Иди ко мне!

Я не мог противиться ее воли. Все происходящее казалось мне сказочным сном. В лихорадочных объятиях золотоволосой Ольги я решил, что все объяснения могут подождать до утра. Но если бы я только мог знать тогда, как ошибался!

* * *

Меня разбудил стук в дверь. Я огляделся по сторонам и не обнаружил Ольги. Но жуткая догадка еще не осенила меня. Мне подумалось, что графиня вышла на палубу подышать свежим воздухом. Я намотал себе на палец несколько

ее золотистых волос, оставшихся на подушке, потом бережно снял это колечко и спрятал его в медальоне с портретом, который дала мне Нарышкина.

Стук в дверь настойчиво повторился.

– Войдите! – позволил я, набрасывая на плечи сорочку.

В каюту ворвался Кинрю, с перекошенным от злости лицом.

– Яков Андреевич! – воскликнул он. – Как вы только могли это допустить?! Я не понимаю... Да что здесь творится на самом деле?!

– Что стряслось? – поинтересовался, стараясь не терять самообладания. Но увидев Кинрю в таком состоянии, сохранить спокойствие мне было мучительно трудно.

– Почему вы отпустили графиню?! – воскликнул японец.

– Куда? – Я искренне ничего не понимал, но дурное предчувствие уже охватило меня.

– Та к вы ничего не знаете? – изумился Кинрю. Он красноречивым взглядом обвел смятую постель. – Вы сошли с ума! Графиня Александрова уплыла на почтовом пакетботе в Кале, сославшись на срочную необходимость!

– Что?! – воскликнул я. – Этого не может быть!

– Еще как может, – усмехнулся Кинрю. – Капитан Рональд пытался ее остановить, но она оставалась глуха ко всем его просьбам! Я вижу, что вы так же легко угодили в сети этой коварной женщины... Что с письмом?

Я схватил свой сюртук, но письмо к моему облегчению

оказалось на месте.

– Нет, это не она... – улыбнулся я.

* * *

Когда я вышел на палубу французского корабля показались туманные берега Британии. Я предположил, что вижу вддали очертания Дувра. Пролив Па-де Кале иначе еще назывался Дуврским. Сам порт Кале пару веков назад принадлежал Британии.

Спустя около часа мы с Кинрю оказались на берегу Кале, где я должен был разыскать герцога Артура Веллингтона и лично передать ему в руки письмо от Александра Благословенного. Кроме того я должен был потребовать опознавательной ложки... Иначе мне было не видать английского главнокомандующего, к мнению которого прислушивались в правительстве. Но передо мной стояла еще одна проблема – я должен был разыскать графиню Александрову, которая столь неожиданно меня покинула. Но если она не искала встреч с капитаном Рональдом, тогда что же ей понадобилось в Кале? Этот вопрос не давал мне покоя ни единой секунды.

Для начала мы вместе с Кинрю отправились в отель, где намеревались на некоторое время остановиться. Только в в гостиничном номере я обнаружил подмену письма...

– Нет, этого не может быть! – воскликнул я, вспоров ножницами шелковую подкладку. Я сразу увидел, что конверт был совсем другой, без печати и без письма. Я тут же вскрыл его и обнаружил в нем девственно белый листок бумаги.

– Чего не может быть? – вкрадчиво осведомился Кинрю. – Вы же утверждали, что императорское послание на месте!

– Я ошибался! – воскликнул я и бросил на стол фальшивку. – Ольга провела меня как какого-нибудь мальчишку. Не за любовником она сбежала в Кале, а с определенной целью! Графиня должна была знать, что я поплыву на этом фрегате! Но как она могла интриговать против меня?! Вести двойную игру?!

– Но кто же тогда убил вахтенного лейтенанта на корабле и пытался силой забрать императорское письмо?! – недоумевал Золотой дракон. – Да, Яков Андреевич, вы действительно повели себя... опрометчиво!

Я чувствовал себя ужасно. Но как я мог ожидать, что графиня Ольга была втянута в политическую игру?! Нет, все это совсем не укладывалось в моей голове. К тому же к моему смятению примешивалось еще и чувство вины перед Мирой. Об индианке я, вообще, теперь старался не думать.

– Что будем делать? – спросил японец. Он по своему обыкновению смотрел мне прямо в глаза.

– Если бы я знал ответ на этот вопрос, я был бы самым счастливым человеком на свете, – отозвался я мрачно. И как я мог своим легкомыслием поставить под угрозу дело государственной важности?!

– И все-таки, – не отступал Кинрю.

– Так или иначе, но мне придется передать Веллингтону содержание письма на словах, – ответил я, – а для этого мне потребуются просить опознавательной Ложи в Кале. А потом, *volens volens*,⁴ мне придется разыскать графиню Александрову, пока она не передала письмо австрийскому канцлеру и не спровоцировала бы каких-нибудь военных международных недоразумений!

– Кто бы мог подумать, что все сложится именно так! – покачал головой японец.

Мне нечего было сказать моему Юкио в ответ.

– А если вам придется физически уничтожить графиню? – поинтересовался японец.

– Я пойду на это, – ответил я дрогнувшим голосом, который внезапно изменил мне. – Если не будет другого способа перехватить у нее письмо. Если это будет последним, крайним средством.

---

⁴ волей-неволей – (*лат.*)

Утром я в сопровождении моего Золотого дракона отправился по адресу, который мне дал Кутузов. Я должен был потребовать для себя опознавательной Ложи, чтобы встретиться с Артуром Веллингтоном. Я, как и всякий член Ордена, имел право входа во все ложи мира. Но для распознавания в постороннем человеке члена Вольнокаменнического Ордена и определения его масонской степени в нашем Обществе существовало три способа: знак — для зрения, слово — для слуха и прикосновения — для осязания. Теперь я готов был подвергнуть себя этому испытанию... Не буду говорить, какие именно знаки, слова и прикосновения соответствовали моей степени в Ложи, но я должен был подтвердить словом и делом, что принадлежу к Санкт-Петербургскому Ордену «Золотого скипетра».

Мы взяли экипаж. Я заплатил извозчику, когда он остановил лошадей перед дверьми нужного мне особняка. Я направился к дверям трехэтажного дома, Кинрю же, к собственно-му неудовольствию, остался дожидаться меня в карете. Ему очень не хотелось отпускать меня одного! Но не мог же я взять его в Собрание Ложи...

Чопорный лакей с седыми бакенбардами проводил меня в покои своего господина, имени которого я даже не знал. Он сказал мне, чтобы я дожидался его в гостиной.

Я нервно расхаживал взад и вперед перед огромными окнами, выходящими на прелестнейшую лужайку, когда в комнату вошел человек, в котором я узнал Джорджа Бингли. Вот теперь-то я сообразил чьим адъютантом он был.

Я поклонился ему в знак приветствия. Он ответил мне тем же, хотя я заметил, что Бингли несколько удивлен нашей встрече. Было похоже, что он также как и я не догадывался о нашей общей принадлежности к одному Франкмасонскому братству, и что у меня имеется важная миссия к его главнокомандующему.

– Признаться, я и не думал, Кольцов, что посланник русского царя – это вы, – прямо заявил Бингли. – Скорее я склонен был считать, что это – Орлов или Завьялов! Я знал, что посланник должен был плыть на фрегате, но не догадывался, кто именно!

– А я не догадывался о том, что вы адъютант герцога Веллингтона, – в ответ отозвался я. – Но разве капитан вам ничего не сказал?

– Он обязан был хранить масонскую тайну, – развел руками Джордж Бингли. – Итак, вы согласны на испытание?

– Разумеется, да, – кивнул я.

Мне приходилось думать о том, что нельзя терять времени даром. Я должен был остановить Ольгу прежде, чем она передаст императорское письмо враждебно настроенным австрийцам. Однако я старался сейчас думать об этом как можно меньше, чтобы ничего не перепутать и с честью выдер-

жать испытание. Я намеревался, по крайней мере, переговорить с фельдмаршалом Веллингтоном...

– Испытание состоится послезавтра, – ответил мне Бингли. – Здесь же, в восемь утра. Так что вы еще имеете возможность побродить по городу и полюбоваться Кале!

– Почему не сегодня?! – воскликнул я. – Время так дорого! Я должен переговорить с Веллингтоном незамедлительно. Неужели ему самому не интересно, что думает русский царь о...

– Довольно, – прервал меня Бингли. – Вы и так слишком много сказали. Но, вам ли не знать, если вы в самом деле тот, за кого себя выдаете, что приготовления к опознавательной ложе требуют времени?!

Разумеется, я это знал, и мне не оставалось ничего другого, как только промолчать и смириться. Впрочем, я мог использовать освободившееся время на то, чтобы найти незаконную царскую дочь, посягнувшую на государственную тайну!

«Ольга, милая моя Ольга, что ты наделала?!» – думал я, выходя из особняка. Я молил Господа бога только о том, чтобы мне не пришлось прибегать к самому последнему средству... А как мне придется объясняться перед Нарышкиной, я и вообразить себе даже не мог!

– Ну, – Кинрю выжидательно уставился на меня.

– В последнее время ты позволяешь себе слишком много вопросов, – ответил я не очень-то вежливо.

– Я только пытаюсь уберечь вас, Яков Андреевич, – ответил японец и замолчал.

Теперь я не сомневался, что мой Золотой дракон не станет разговаривать со мной вплоть до завтрашнего утра.

– Не обижайся, – попросил я его. – Просто обстоятельства складываются не слишком гладко! Собрание опознавательной Ложи назначено только на послезавтра. Я не могу ждать так долго! Я прекрасно понимаю, что сам виноват в несчастьях, обрушившихся на меня, но должен же я что-то предпринять по этому случаю!

– Займитесь Александровой, – коротко посоветовал мне Кинрю. – Не мне вас учить, Яков Андреевич.

– Так-то оно так, но я понятия не имею, где мне ее искать! – заметил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.